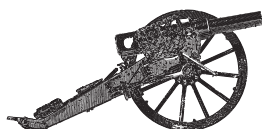

• ДОКУДРАМЫ •

МАРИНА БАНДИЛЕНКО

ПЕРВАЯ
МИРОВАЯ
ВОЙНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(100)«1914/18»
ББК 63.3(0)53
Б23

В оформлении издания использованы материалы,
предоставленные ФГУП МИА «Россия сегодня»

Бандиленко, Марина Михайловна.

Б23 Первая мировая война / Марина Бандиленко. — Москва: Издательство АСТ, 2025. — 256 с. — (Докудрамы).

ISBN 978-5-17-161991-6

«Первая мировая война» — новая книга Марины Бандиленко, сценариста, кандидата исторических наук, автора бестселлеров «Рюриковичи. История первой династии» и «Романовы. История великой династии». Она расскажет об одном из самых разрушительных конфликтов в истории человечества, о событиях, которые оставили неизгладимый след в истории мировых конфликтов.

Более 35 мировых держав оказались вовлечены в это беспрецедентное на тот момент военное противостояние, унесшее жизни 12 миллионов человек и оставившее 55 миллионов раненых. Читатели смогут проследить за судьбами героев, чьи жизни были навсегда изменены. Книга сочетает в себе богатый исторический контекст и личные драмы, позволяя понять не только ход войны, но и её влияние на судьбы миллионов.

**УДК 94(100)«1914/18»
ББК 63.3(0)53**

ISBN 978-5-17-161991-6

© 000 «Стар Медиа Дистрибьюшн», 2014
© М. М. Бандиленко, 2024
© 000 «Издательство АСТ», 2025

Осенью 1914 года из Одессы на фронт шел эшелон. В вагоне, где разместился 256-й Елисаветградский полк, было тесно и шумно, и никто не заметил под лавкой растерянного мальчишку. С собой у него была только холщовая котомка, в ней — сухари и смена белья. В вагон он пробрался «зайцем», задолго до погрузки, страшно устал, проголодался и совершенно не представлял себе, что делать дальше. Мальчишку звали Родион Малиновский, ему было 15 лет, и он сбежал из дома, чтобы попасть на фронт. Но сейчас, скорчившись под лавкой, Родион с ужасом понимал, что влип по самые уши. Конечно же, его скоро обнаружат и высадят к чертовой матери на ближайшей станции. И это в лучшем случае. А в худшем... Но — что уж теперь, деваться некуда. Будь что будет.

Малиновский еще не знал, что ему предстоит пройти через три войны, стать маршалом и кавалером высших орденов своей страны. Трясаясь под лавкой, он ехал на свою первую войну.

ГЛАВА 1

1913 год. Одесса

Всего год назад Родион Малиновский жил себе спокойно у тети с дядей, служил мальчиком на побегушках в галантерейном магазине. В отличие от других таких же, как он, мальчиков в лавках, Родион был грамотным и очень любил читать. Ему так понравились романы Дюма, особенно «Три мушкетера», что он даже начал самостоятельно учить французский язык. Зачем? Родион и сам еще не знал. По ночам, засыпая над книгой, Родион мечтал о своем необыкновенном будущем — примерно как у юного гасконца Д'Артаньяна. Дальние страны, захватывающие приключения, героические сражения и обязательно — подвиги. Ну, и слава, конечно.

Но наступало утро, и в сладкие мечты врвался пронзительный голос тетки Елены:

— Родион! Спишь, бездельник? Опять книжки всю ночь читал?

И пока Родион поспешно одевался, спросонья не попадая в рукава и штанины, тетка, гремя посудой, ворчала:

— Что ж за наказание такое! Все читает и читает, а толку? Другие в 15-то лет уже в приказчиках ходят,

а этот, малахольный-то, прости Господи, все на побегушках. Так всю жизнь и пробегает, а кормить-то его кто будет? Жрать-то небось здоров, вон ряху какую отъел на теткинских харчах...

Родион к ворчанию тетки давно привык — как к тиканью часов или курлыканью горлиц за окном. Схватил со стола краюху хлеба, запил молоком — и бегом на работу, в магазин купца Припускова на Торговой улице. Если хозяин пришел пораньше, опять будет Родиону за опоздание большой нагоняй.

Но сегодня повезло. Хозяин отсутствовал, за старшего был приказчик Михеич, который принимал товар и на Родиона внимания не обратил. Рабочие носили ящики, коробки и тюки, Михеич сверялся с бирками и диктовал опись:

— Английского сукна 50 футов и 5 аршин... Бархату 20 футов... Записал?

Щуплый мальчик торопливо писал в огромной учетной книге. Михеич то и дело морщился от скрипа пера — явно был с похмелья.

— Шелку Морозовской мануфактуры 45 футов... Да не Морозовской, а Морозовской, болван! Чему тебя только учили? А где Малиновский?

— Здесь я, Семен Михеич.

— Ага. Давай сейчас...

На улице с грохотом обрушилась пирамида ящиков, Михеич сжал руками больную голову и как-то даже жалобно сказал Родиону:

— Родь, сгоняй-ка на привоз к мадам Филимоновой. Пива возьми и краковской... Понял?

— Понял, Семен Михеич.

— Главное дело — пива. Понял? Ну, и краковской тож. Давай, мухой.

Родион с облегчением выскочил во двор, где под стук ящиков и ругань биндюжников выгружали товары с подвода, и потрусил по Торговой улице в сторону привоза. Настроение было отличное. Вместо того, чтобы сидеть в душевной лавке, можно немного прогуляться. Поглазеть на нарядную публику. Потолкаться на привозе. Глядишь, еще и на ситный бублик хватит. Зря тетка Елена ворчит. Родион себе на хлеб зарабатывает.

Фунт пшеничной муки (около полукилограмма) стоил 8 копеек, а мясо — чуть больше 20 копеек за фунт. Соленый огурец — 3 копейки. Бутылка водки — 40 копеек. Неквалифицированный рабочий в России в среднем получал от 25 до 35 рублей в месяц, зато специалист — токарь, слесарь или электрик — мог зарабатывать от 75 до 125 рублей. Для сравнения — офицер, только начавший службу, имел оклад в 70 рублей. Россия переживала экономический подъем. Активно развивалась промышленность. За 13 лет экспорт русских товаров вырос в два раза, значительно превышая ввоз. По темпам роста промышленного производства Россия твердо удерживала первое место в мире.

На обратном пути Родион еще немного любовался звенящей и гремящей городской новинкой — электрическим трамваем, который совсем недавно заменил omnibusы и конку. Проехать на нем стоило пять копеек, вполне доступно. Но — не в этот раз. Пора бежать, Михеич заждался. Из порта донесся гудок парохода —

это «Таганрог», который всегда приходит точно в восемь часов.

Европа 1913 года. Belle Époque — прекрасная эпоха расцвета техники, науки и искусств. Электричество, радио, кинематограф, рентгеновские лучи, автомобили, футбол. Огромные шляпы и узкие юбки-ковыляшки, причудливая архитектура модерна, модные вернисажи и громкие театральные премьеры. Жизнь прекрасна и удивительна! В Лондоне открылось первое метро, парижан возмущала «бесполезная и чудовищная», по их мнению, Эйфелева башня. С карты Земли исчезали последние «белые пятна». Человеку покорился «пятый океан» — небо. Отважные авиаторы стали кумирами эпохи.

В эти годы большой популярностью пользовалась книга «Великая иллюзия» английского публициста Нормана Энжелла. В ней автор убедительно доказывал, что в настоящее время большая война стала совершенно невозможной. Она невыгодна никому, потому что победитель пострадает от нее так же, как и проигравший, и ни одно правительство не пойдет на такую глупость.

Другие говорили, что вечный мир должно оберегать новое оружие — пулемет. Потери от его огня столь ужасны, что ни один сумасшедший не решится развязать войну между цивилизованными нациями.

Наука и техника развивались с бешеной скоростью. Человеческий разум, воспитанный на морали и принципах XIX века, порой просто не поспевал за прогрессом.

На парламентских заседаниях и международных конференциях сверкали шитые золотом мундиры и бриллианты в орденах.

А в то же самое время инженеры немецкой фирмы «Крупп» изготавливали пушку, которая стреляла на расстояние 14 км снарядами весом около тонны.

На военных парадах красовались гусары и кирасиры в плюмажах и аксельбантах эпохи наполеоновских войн.

А на судостроительных верфях спускались на воду бронированные линкоры, которые всего несколькими залпами могли стереть с лица земли европейский город.

На балах звучали вальсы, звенели шпоры и обсуждались последние романы и социалистические идеи.

А учеными уже были открыты хлор, фосген и горчичный газ, известный впоследствии как иприт. Всего через два года они будут применены как первое оружие массового поражения.

В 1903 году Эрнест Резерфорд открыл закон радиоактивного распада — до создания атомной бомбы оставалось каких-то 40 лет. А через полвека появятся книги о ядерном оружии, которое якобы делает мировую войну невозможной. И никто тогда не вспомнит, что в 1913 году все верили, что такую войну должен был предотвратить обычный пулемет.

Мир еще не осознавал до конца, что это такое — XX век.

«40 лет мира — это слишком много!» В 1913 году эти слова были девизом тех, кто хотел оружием решать политические проблемы.

40 лет прошло с 1871 года, когда Франция потерпела поражение в войне против Пруссии. В результате этой войны мелкие немецкие княжества объединились в мощное государство — Германскую империю. Две французские провинции — Эльзас и Лотарингия — стали частью Германии, и вся Франция сочла это национальной трагедией и позором.

В считанные годы Германия превратилась в одну из сильнейших держав Европы. А вскоре немецкие военные и тор-

говые суда двинулись захватывать новые земли для своей империи.

В Европе и глазом моргнуть не успели, как немцы обосновались в Восточной и Юго-Западной Африке, в Руанде, Камеруне, Тóго, на островах Азии и Океании.

Колонии приносили баснословные барыши дельцам Парижа и Лондона. Они давали деньги на строительство дворцов и вооружение армий. Теперь у Франции и Англии появился серьезный конкурент в колониальной политике — Германская империя. И этот конкурент на глазах превращался в опасного и хищного врага.

Союзником Германии стала Австро-Венгрия, которая давно находилась в напряженных отношениях с Россией. Австрийцы захватили Боснию и Герцеговину, что едва не привело их к войне с Сербией, которая считала Боснию частью своей, славянской, территории. Русский император Николай II дал понять, что готов хоть завтра двинуть свою армию для защиты сербов и других православных народов.

Ухудшились отношения между Россией и Германией. Германский император Вильгельм II как-то сказал:

«Я ненавижу славян. Я знаю, что это грешно. Никого не следует ненавидеть, но я ничего не могу поделать: я ненавижу их».

Вильгельм II приходился российскому императору троюродным дядей, а императрице Александре Федоровне и британскому королю Георгу V — кузеном. Николай II и Георг V по материнской линии были двоюродными братьями, они так и обращались

друг к другу — «кузен Ники» и «кузен Джорджи», при этом были внешне похожи друг на друга почти как близнецы.

Почти все королевские семьи Европы были в родстве друг с другом и находились в весьма дружеских отношениях. Но родственные связи отходили на второй план, когда в дело вступали интересы политики и экономики, вооруженных сил и военных заказов. Закон здесь был один — «то, что не захватываешь ты, захватывают другие». В этой борьбе Германия и Австро-Венгрия образовали коалицию, к которой позднее присоединилась Италия. В свою очередь, Франция и Россия объединились в военный союз, названный Антантой (от французского *l'Entente cordiale* — «сердечное согласие»). Вскоре к ним присоединилась Великобритания.

Конфликты между этими государствами вспыхивали пока далеко от столиц. Там, в Азии и Африке, одни споры решались деньгами, другие — стрельбой. Некоторые выносились на мирные конференции, где стороны пожимали друг другу руки, подписывали договоренности и... нарушали их уже на следующий день.

1913 год. В России прошли празднования в честь 300-летия дома Романовых, создан «Русский балет» Дягилева, Казимир Малевич написал «Черный квадрат».

В этом же году другой художник переехал в Мюнхен из Вены, где не смог поступить в художественную академию. Звали его Адольф Гитлер...

Во Франции режиссер Луи Фейад снял первую серию фильма «Фантомас», а в Швеции писатель из индийской Бенгалии Рабиндранат Тагор получил Нобелевскую премию по литературе.

Русские по-прежнему ездили на немецкие курорты, а немцы на Лазурный берег Франции. Но за этой безмятежной жизнью старой доброй Европы уже виднелись штыки, пушки и линкоры.

Май 1914 года. Санкт-Петербург

Из Летнего сада волнами наплывал аромат сирени. Нарядная публика наслаждалась весенним теплом. Поодаль, у самого парапета набережной, прогуливались два элегантных господина — министр иностранных дел Сергей Дмитриевич Сазонов и премьер-министр граф Владимир Николаевич Коковцов.

— Итак, — начал премьер-министр, — что вы хотели мне сообщить? У вас дурные новости?

— Увы. Порадовать нечем. Последние сведения из посольств оптимизма не вселяют. Сплошь ноты, протесты и ультиматумы.

Теплый ветер принес из сада обрывок вальса — там играл духовой оркестр. Премьер-министр, помолчав, раздумчиво произнес:

— Что же... Это вполне ожидаемо. Французы ненавидят немцев, немцы ненавидят и французов, и русских. Русские — австрияков. Даже наши союзники боятся нас за наше стремление в Средиземное море... Все сплелось вот так, и сейчас уже никому не развязать этот клубок.

— Но кто-то же должен и уступать? Так ведь?

— Шесть империй, Сергей Дмитриевич. Шесть! А империи не уступают. Никто из нас не отступит и не уступит...

Прогулка продолжилась в тяжелом молчании. Вдали набирал силу модный вальс «Осенний сон». Садилось солнце. До войны оставалось меньше двух месяцев.

Июнь 1914 года. Германия, курорт Бад-Киссинген

В небольшом курортном городке готовился праздник. На центральной площади строили декорации, сновали рабочие, стучали молотки, поодаль репетировал небольшой оркестр.

Бад-Киссинген недавно вошел в моду, и на его узких улочках можно было встретить состоятельных отдыхающих из всех стран Европы. Немало было и русских. В уютном отеле, подальше от общей суеты, обосновался генерал Алексей Брусилов с супругой.

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) — генерал от кавалерии, командир корпуса. За Русско-турецкую войну 1877–1878 годов награжден тремя боевыми орденами. Известен всей Европе как выдающийся эксперт по конному спорту.

Брусилов не любил шума и толпы и днем предпочитал отсиживаться в отеле. Его жена порой пыталась вытащить его немного поразвлечься. Придя с прогулки, она с порога заявила:

— Алексей Алексеевич, ну что же вы снова сидите, как сыч. Надо встряхнуться. По всему городу расклеены афиши, обещают грандиозный праздник. Вечером на площади. Не хотите ли?

Брусилов аккуратно свернул газету.

— наших много будет?

— Думаю, да. Но что же с того? Сейчас в Киссингене русских — почти как немцев. Да и на представлении будет что-то такое из русской истории. Я видела декорации, там явно узнаются купола Василия Блаженного.

— Вот как? Ну, что ж, давайте полюбопытствуем.

Вечером центральная площадь Киссингена представляла собой причудливое зрелище. Все, что только можно, было украшено германскими флагами и гирляндами цветов, а посреди площади возвышался макет Кремля. Оркестр старательно и торжественно играл поочередно «Боже, царя храни» и «Коль славен...». Брусиловы, чуть поодаль от толпы, наблюдали за представлением. Начался фейерверк. И вдруг одна из петард случайно упала на декорацию и подожгла ее. В считанные секунды макет Кремля охватило пламя. Из толпы раздались крики одобрения на немецком языке. Оркестр заиграл увертюру Чайковского «1812 год». Под торжественные, победные, ликующие аккорды русские, оторопев, с ужасом смотрели, как горит фанерный Кремль, а немцы уже ревели от восторга.

Надежда Брусилова вцепилась в локоть мужа:

— Господи! Алеша! Так вот в чем дело! Вот чего им хочется!

Брусилов стоял, словно окаменев. Из толпы раздался чей-то крик:

— Ферфлюкторы проклятые, а вы забыли, как русские казаки Берлин спасали!

Брусилов очнулся.

— Да, основательно забыли, и не только это, но и многое другое, — проговорил он тихо, как бы про себя. — И забыли, и не учли.

Он решительно взял жену под руку:

— Пойдемте.

Надежда Владимировна все оглядывалась, жалостливо вздыхала. А генерал Брусилов шел прямо, вытянувшись в струну, как на параде. За его спиной рушились обгорелые остатки куполов и башен.

На следующий день все было как обычно — чистенькая площадь Киссингена и множество русских курортников,